R/280

ДУХОБОРЦЫ

ВЪ

СЛОБОДСКОЙ УКРАИНѢ.

А. Лебедева.

Ф.29-3880

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1890.

ДУХОБОРЦЫ ВЪ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНѢ.

Слободскую Украйну считаютъ родиной духоборства. Сохранилось преданіе, что около половины 18 столѣтія (1740—1750 годахъ) въ Харьковской губерніи, въ селѣ Охочемъ (Зміевскаго уѣзда,) появился какой-то иностранецъ, называвшій себя прусскимъ унтеръ-офицеромъ. Долгое время обитая здѣсь между поселянами, онъ успѣлъ пріобрѣсть ихъ расположеніе и довѣріе; въ ихъ сходкахъ онъ рѣшалъ ихъ недоумѣнія и подавалъ имъ совѣты; въ частныхъ неудовольствіяхъ примирялъ ихъ несогласія и распри, а при домашнихъ занятіяхъ и самъ не отказывался участвовать съ ними въ хозяйственныхъ дѣлахъ. Онъ училъ, что всѣ люди равны, власти не нужны, іерархія—выдумка, рабство помѣщикамъ—позоръ для людей. Полагаютъ, что этотъ иностранецъ былъ квакеръ, потому что образъ его жизни и правила, какія онъ проповѣдывалъ, совершенно согласны съ духомъ ученія квакерскаго. („Духоборцы", Новицкаго, стр. 5—6. „Руководство по исторіи и обличенію раскола" Ивановскаго, часть 2, изд. 2., стр. 166). Этого то неизвѣстнаго по имени иностраннаго проповѣдника, распространявшаго свое ученіе въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ., и признаютъ нѣкоторые (хотя мнѣнія этого, какъ увидимъ ниже, и нельзя еще считать непререкаемымъ) основателемъ секты духоборцевъ въ Россіи *).

Между тѣмъ, хотя Слободская Украйна и считается родиной духоборства, о дальнѣйшемъ существованіи здѣсь духоборства очень мало извѣстно. Въ „Историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи", составленномъ, какъ извѣстно, по ар-

*) Нѣсколько позднѣе является проповѣдникъ духоборческаго ученія и въ Екатеринославской губерніи въ селѣ Никольскомъ—старикъ Силуанъ Колесниковъ (около 1750—75).

хивнымъ документамъ церквей и консисторіи этой епархіи, только въ двухъ приходахъ указываются,—и то въ самыхъ общихъ выраженіяхъ,—духоборцы, именно: а) въ приходѣ „Большіе Приходы“ (въ 30 верстахъ отъ Харькова): „въ семъ приходѣ въ 1785 г. до 150 душъ однодворцевъ было заражено ученіемъ пагубнаго духоборства; нѣсколько изъ нихъ Ѳеоктистъ архіепископъ бѣлоградскій съ харьковскимъ протоіереемъ Андреемъ Прокоповичемъ убѣдилъ возвратиться къ православію; старшихъ, оставшихся глухими къ увѣщаніямъ, гражданскій судъ подвергъ наказанію и до 70 человѣкъ переселены были въ Таврію.“ (Далѣе говорится о дѣятельности мѣстнаго священника—въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія—противъ остатковъ духоборства въ этомъ приходѣ. Отд. II, стр. 183—184). б) въ слободѣ Петровской (Изюмскаго уѣзда); „въ концѣ прошлаго столѣтія въ Петровскомъ приходѣ росли самыя дурныя растенія—послѣдователи антихристіанской духоборческой секты. Въ 1794 г., Іюня 19, священникъ села Петровскаго Николай Бальковичъ, который, стоитъ замѣтить, былъ изъ дворянъ, доносилъ духовному начальству, что въ приходѣ его цѣлыя семьи заражены духоборческою ересью, причемъ поименовалъ самыя лица. По бумагамъ Изюмскаго правленія не видно, какія были послѣдствія сего донесенія; но по всей вѣроятности еретическія семьи переселены были въ Мелитопольскій уѣздъ. По крайней мѣрѣ, нынѣ благодареніе Богу, нѣтъ здѣсь этихъ вредныхъ людей“ (Отд. IV, стр. 143, 144).

Матеріалы, которыми мы пользуемся теперь по вопросу о слободско-украинскихъ духоборцахъ *), значительно пополняютъ эти скудныя свѣдѣнія о нихъ—даютъ полнѣе видѣть какъ распространенность въ Слободской Украйнѣ духоборства (указывая на существованіе его кромѣ мѣстъ указанныхъ въ „Историко-ст. опис. Харьк. еп.“ еще и въ другихъ мѣстахъ),

*) Архивное дѣло Харьк. губ. Статист. Комитета—о духоборцахъ, 1801 года, архивные документы Харьк. Дух. Консисторіи, и мѣстныя преданія о духоборцахъ въ селѣ Большіе Проходы (Харьк. уѣзда), собранныя и записанныя, по просьбѣ Харьковскаго о. протоіерея Троицкой церкви Н. А. Лащенко, мѣстнымъ священникомъ Григоріемъ Лобковскимъ и обязательно предоставленныя въ наше пользованіе, за что и приносимъ искреннѣйшую благодарность какъ священнику, записавшему эти преданія, такъ и достоуважаемому отцу протоіереюе чрезъ посредство котораго мы эту запись получили.

такъ и ученіе его—по показаніямъ о немъ самихъ духоборцевъ, а также положеніе духоборцевъ среди православнаго населенія, отношеніе къ нимъ властей гражданскихъ и духовныхъ, и наконецъ—представляютъ нѣкоторыя данныя для сужденія и о происхожденіи духоборства.—Вотъ эти матеріалы.

I.

Іюля 30 дня 1791 года города Славянска Воскресенской церкви священникъ Стефанъ Квасовскій въ Константиноградское Духовное Правленіе доносилъ, что его прихода мѣщане Андрей Зайцевъ, сынъ его Никита, жена его Марина, Иванъ Голубовъ съ женою, Феодоръ Голубовъ съ женою же, и Петръ Голубовъ состоятъ въ духоборческой ереси и заблужденіи и за тѣмъ въ церковь Божію къ славословію никогда не приходятъ, чтенія и пѣнія божественнаго не слушаютъ, и всѣхъ, словомъ сказать, церковныхъ преданій не исполняютъ.

Подобное же, отъ 4 августа того-же 1791 года, доносили священникъ Введенской церкви, въ Славянскѣ же, Стефанъ Башинскій и Даміанъ Лѣваревъ о бывшемъ мѣщанинѣ въ Славянскѣ, а потомъ—казакѣ, Осипѣ Зайцевѣ съ семействомъ

Для увѣщанія означенныхъ лицъ, а также и еще казака Ефима Медвѣдева съ женою, о которыхъ потомъ, какъ о духоборцахъ, доносилъ тотъ же священникъ Стефанъ Башинскій, посланы были протопопъ Иванъ Сулима и священникъ Лукіанъ Сѣкуновъ.

Они доносили, что „Андрей Зайцевъ, сынъ его Никита съ женою Мариною, Петръ Голубовъ, хотя нѣкоторое сомнѣніе по наущенію духоборцевъ о таинствахъ и церковныхъ преданіяхъ и имѣли, но, внимая увѣщаніямъ, въ православіи утвердились; Иванъ же Голубовъ съ женою, купчиха Агафья Голубова, Осипъ Зайцевъ съ женою, казачка Марья Медвѣдева поелику отъ хожденія въ церковь Божію, приниманія таинства, храненія постовъ и почитанія священниковъ за пастырей и учителей, а Андрей Зайцевъ и отъ поклоненія св. иконамъ и кресту Господню вовсе отказались, для того отъ свящ. писанія и отеческихъ писаній учинено было имъ довольное увѣщаніе, но они, тому не внимая, утвердились въ той ереси, разсѣвая, какъ тамошніе жители намъ доносили, пагубныя, противъ Христовой истины мнѣнія“. Феодоръ же Голубовъ и Ефимъ

Медвѣдевъ за отлучкою ихъ изъ дома не были допрашиваемы.

Иванъ Голубовъ показалъ: „на послѣдней недѣлѣ я говѣлъ, въ церковь Божію на славословіе приходилъ, начавъ съ понедѣльника; въ среду у попа Стефана исповѣдался, въ четвертокъ на Божественной литургіи, изготовяся по обычаю прочихъ мірянъ, приступилъ къ причастію, причемъ попъ Квасовскій спросилъ меня, указывая на чашу: „знаешь ли ты, что это?“ А когда я въ отвѣтъ сказалъ „знаю“, онъ велѣлъ дьячку Федору Ильяшеву подстричъ мнѣ усы; когда же я къ тому себя недопустилъ, то дьячекъ Федоръ взялъ меня за волосы, почему я, будучи въ посрамленіи, отошелъ безъ причастія и отъ того времени по нынѣ въ церковь не ходилъ, и сего году не говѣлъ;попъ же Квасовскій неисповѣдавшимся меня въ прошломъ году написалъ несправедливо, да для большаго мнѣ взысканіемъ штрафа отягощенія написалъ въ росписи прошлогодней и дочь мою Доминикію, назадъ тому восемь лѣтъ умершую, не бывшею у исповѣди. Я хотя въ церковь Божію отъ вышеписаннаго числа не ходилъ, но молюсь и кланяюсь Господу Богу въ домѣ и на всякомъ мѣстѣ, признавая, что отъ рукотворенной церкви не получу спасенія; иконамъ святымъ честь воздаю и въ домѣ оныя содержу по введенному обычаю; поповъ за священниковъ и учителей не признаю, ибо единъ есть священникъ и учитель Христосъ; въ тайнѣ причащенія я, подъ видомъ хлѣба и вина, тѣла и крови Христовой не признаю, а причащаюся Словомъ Господнимъ; постъ я содержу духовный, а въ воздержаніи отъ брашенъ пользы никакой не предвижу: догматы христіанской вѣры содержу, какъ въ сvволѣ вѣры написано—только касательно воскресенія мертвыхъ я вѣрую и содержу, что плоть мертвая отъ земли не востанетъ“.

Жена Голубова показала съ мужемъ сходственно.

Осипъ Зайцевъ показалъ: „въ рукотворенную церковь я не хожу, ибо отъ нея спасенія и святости въ ней не чаю; молюся Господу Богу въ домѣ и на всякомъ мѣстѣ владычествія Его: крестнаго ручнаго знаменія на себѣ не полагаю; понеже ручное крещеніе не есть истовая молитва; иконамъ и кресту, сдѣланнымъ изъ дерева или какого металла, кланяться за спасительное дѣло не почитаю, а кланяюсь живому Богу вѣрою и правдою; христіанскую вѣру содержу,

какъ въ символѣ изображено; священниковъ за пастырей я не признаю, ибо единъ есть учитель и священникъ—Христосъ; исповѣдуюсь Богу небесному, а духовныхъ отцевъ не принимаю; въ тайнѣ причащенія я подъ видомъ хлѣба и вина за тѣло и кровь Христову не почитаю и причащаюсь словомъ Господнимъ; постъ содержу духовный, а въ пищахъ никакого поста не держу!" Казачка Медвѣдева показала съ Осипомъ Зайцевымъ сходственно.

1791 года октября 20 дня. Города Славянска купецъ Ѳедоръ Голубовъ, при депутатѣ Славянской Управы Благочинія, частномъ приставѣ прапорщикѣ Чердаковѣ, Славянскаго уѣзда благочиннымъ села Барвѣковой Стѣнки священникомъ Іоанномъ Хоцѣнскимъ спрашиванъ и показалъ: въ рукотворенную церковь для богомолья и слушанія Слова Божія ходить хотя не отрекается, но почитаетъ притомъ, что оная церковь святости и божества въ себѣ не имѣетъ; крестное ручное знаменіе на себѣ не полагаетъ, а въ случаѣ принужденія изобразить можетъ, но никакого спасенія оно не заключаетъ; иконы рукотворенныя и освященныя за святость не почитаетъ и въ домѣ оныя хотя имѣетъ, но онымъ не поклоняется, а содержитъ только для украшенія дому; вѣру христіанскую, какъ въ молитвѣ „вѣрую во единаго Бога" написано, содержитъ, только о воскресеніи мертвыхъ не утверждаетъ; въ таинствѣ покаянія, при исповѣди грѣховъ предъ священникомъ, называемаго имъ попомъ разрѣшенія отъ оныхъ за дѣйствительность не почитаетъ; въ причастіи святаго таинства подъ видомъ хлѣба и вина за истое тѣло и кровь Христову не признаетъ; поповъ за священниковъ, пастырей, наставниковъ и духовныхъ отцевъ не почитаетъ, ибо единый Господь есть пастырь; въ посты, установленные отъ церкви, воздержаній отъ брашенъ не хранитъ, а содержитъ постъ отъ злыхъ дѣлъ, въ томъ и подписался.

Всѣ, мудрствовавшіе такимъ образомъ о религіи,—безграмотные и подписывались за нихъ, по ихъ просьбѣ, другіе.

II.

Окт. 31 дня, 1793 г. изъ Совѣстнаго Харьк. намѣстничества суда въ Харьк. дух. правленіе сообщено:

„Харьковскій Совѣстный Судъ, произведя допросъ волчанскаго округа села Терновой жителю, несовершеннолѣтнему Алексѣю, Димитріеву сыну, Головнину, нашелъ въ немъ явные слѣды суевѣрія—въ томъ:

а) Христіанскую вѣру, не именуя христіанскою, просто называетъ Божіею;

б) Исповѣдываясь и пріобщаясь каждый годъ; разумѣетъ исповѣданіе грѣховъ покаяніемъ, а о тайнѣ причащенія—чтобы истинное тѣло и кровь Христова была не вѣритъ, думая что виды хлѣба и винограднаго вина не могутъ быть истиннымъ тѣломъ и кровію Христовою;

в) Въ церковь ходитъ потому, что принуждаютъ, а святости въ оной и божества тамо, яко въ видимой вещи, не сознаетъ, а разумѣетъ, что церковь Божія не *въ бревнахъ* и не въ каменныхъ стѣнахъ (такъ какъ и дерево и камни сдѣланы единственно для теплоты), но въ *ребрахъ* и сердцѣ человѣческомъ;

г) Крестъ полагать на себѣ ни тремя, ни двумя перстами не хочетъ, считая что въ семъ дѣйствіи никакого нѣтъ спасенія, также иконамъ должнаго поклоненія не чинитъ, утверждая, что въ видимой вещи божества нѣтъ;

д) Мыслитъ, что Богомъ созданы всѣ равными, и начальникомъ Богъ никого не сотворилъ. Богъ одинъ начальникъ, и начальниковъ ненадобно—потому де, что они дань тянутъ (то есть—поясняетъ отъ себя судъ—подати взыскуютъ), а дани никакой никто давать не будетъ, когда таковое ученіе по всему свѣту установится“.

Совѣстный Судъ,—усматривая въ таковомъ мудрованіи несовершенолѣтняго Головнина неправовѣріе и въ общежитіи къ неспокойствію наклонность и надѣясь, что ежели онъ, какъ еще несовершеннолѣтній, отдаленъ будетъ отъ послѣдователей сего суевѣрнаго толка, села Тернова жителей, отца своего и родственниковъ, а также и другихъ, кои нынѣ подъ судомъ состоятъ, отъ которыхъ онъ въ развратъ своемыслія приведенъ, и отданъ будетъ въ наученіе православной христіанской вѣры догматовъ, то можетъ, не оставаясь въ праздности, совершенно искоренить начавшееся въ мысляхъ его сумазбродство и поведеніе свое обратить на пользу, а не во вредъ себѣ и обществу,—опредѣлилъ: по силѣ Высочайшаго о долж-

ности Совѣстнаго Суда въ статьяхъ 395, 397 и 399 узаконенія:

а) Несовершеннолѣтняго однодворца Алексѣя Головнина изъ подъ стражи отправить въ Харьковское духовное правленіе съ тѣмъ, чтобы оно благоволило опредѣлить къ нему духовную особу для преподанія истиннаго показанія о догматахъ православной христіанской вѣры и внушенія, что заблужденія, въ которыхъ онъ нынѣ находится, противны православію;

б) Когда онъ Головнинъ стараніемъ духовныхъ учителей выйдетъ изъ заблужденія (Судъ въ этомъ, повидимому, ни мало не сомнѣвался) и обратится отъ своемыслія, то дабы чрезъ сообщество съ своими родственниками и другими, держащими расколъ, не пришолъ опять въ заблужденіе, отдаля навсегда его Головнина отъ дому отца его, отдать въ обученіе грамотѣ, чрезъ что онъ можетъ, возъимѣвъ свѣдѣнія о вѣрѣ и изданныхъ для спокойствія человѣчества государственныхъ законахъ, остаться впредь полезнымъ для общежитія;

г) Просить правителя Харьковскаго Намѣстничества, генералъ-маіора Ѳедора Ивановича Кишенскаго, о соотвѣтствующемъ для приведенія въ исполненіе постановленій Суда распоряженіи.

Отъ 1 ноября того же года Харьковскій городничій Духовному Правленію рапортовалъ, что, во исполненіе приказанія его превосходительства, Головнинъ отосланъ имъ въ классы къ г. директору подполковнику фонъ-Буль Левдину. (Директору Главнаго Народнаго Училища въ Харьковѣ, открытаго здѣсь въ 1789 г.).

Любопытна дальнѣйшая судьба этого Головнина. Надеждъ Совѣстнаго Суда насчетъ обращенія его путемъ ученія къ правовѣрію онъ не оправдалъ. По выходѣ изъ училища, онъ вмѣстѣ съ другимъ, того же села Терноваго жителемъ Степаномъ Голищевымъ, оказался въ томъ же „своемысліи“.

Преосвященный Бѣлгородскій Ѳеоктистъ ордеромъ Харьковскаго Духовнаго Правленія первоприсутствующему, Харьковскаго коллегіума префекту и богословія учителю Андрею Прокоповичу—отъ 27 февраля, 1798 г.—предписывалъ: „явившіеся въ Бѣлгородѣ въ духоборческомъ заблужденіи, села Терноваго однодворцы Алексѣй Головнинъ и Степанъ Голи-

щевъ увѣщеваемы были мною келейно, увѣщеваемы были и въ присутствіи консисторскомъ, но на увѣщанія мои не склонились и болѣе ко мнѣ не являются. Пишу я къ его превосходительству Алексѣю Григорьевичу (губернатору) для должнаго объ нихъ по законамъ разсмотрѣнія. Заблужденіе ихъ тѣмъ болѣе опасно, что одинъ изъ нихъ *Алексѣй Головнинъ обучался въ Харьковскихъ классахъ математикѣ и другимъ наукамъ*, по его показанію. Приносимая ими на приходскаго священника жалоба о не допущеніи ихъ къ причастію святымъ тайнамъ объяснена священникомъ такъ, что онъ не смѣлъ причастить ихъ Христовымъ тайнамъ по ихъ въ еретическомъ заблужденіи нераскаяніи. Ежели оные заблудшіе къ вамъ присланы будутъ, то вы наставьте ихъ на путь истины, и когда они отъ заблужденія обратятся къ православію и о своемъ заблужденіи принесутъ достодолжное покаяніе, то по исповѣди удостойте ихъ причащенія Святымъ Христовымъ тайнамъ и доложа о семъ его превосходительству пришлите и ко мнѣ надлежащій репортъ". Къ ордеру собственноручная его преосвященства приписка: „хотѣлось было съ ними болѣе поговорить, но изъ Консисторіи ушли".—Эти утекшіе изъ Консисторіи, заблудшіе, „разсѣевающіе и между другими духоборческую ересь", дѣйствительно, по распоряженію губернатора были сысканы и, какъ значится въ письмѣ губернатора къ протоіерею Прокоповичу отъ 11 марта, 1798 г., для наставленія ихъ на путь истинный къ нему, Прокоповичу, препровождены; но, кажется, протоіерею Прокоповичу не пришлось еще тогда же начать своихъ увѣщаній, такъ какъ изъ дѣла видно, что найдено было нужнымъ этихъ заблудшихъ предварительно полѣчить въ домѣ умалишенныхъ. Въ письмѣ губернатора къ протоіерею Прокоповичу отъ 24 іюня того же 1798 года значилось: „находящіеся по сумасшествію въ домѣ для таковыхъ устроенномъ, села Терноваго однодворцы Степанъ Голищевъ и Алексѣй Головнинъ, по освидѣтельствованію доктора Кеппена, нынѣ отъ сумасшествія освободились, которые для отвѣтовъ на запросы вашего превелебія при семъ посылаются; прошу васъ, буде они дѣйствительно окажутся въ здравомъ разсудкѣ, то, давъ имъ наставленіе нужное съ своей стороны, отпустить въ домы ихъ, о чемъ увѣдомить отъ себя и его преосвященство". Пребываніе въ домѣ умалишен-

ныхъ, оздоровивъ умы заблудшихъ, оказалось самымъ дѣйствительнымъ средствомъ привлеченія ихъ на сторону правовѣрія,— по крайней мѣрѣ для Головнина этотъ печальный домъ сдѣлалъ то, чего не могъ сдѣлать домъ ученія въ Харьковѣ. Репортомъ отъ 2 іюля того же 1798 года протоіерей Прокоповичъ преосвященному Ѳеоктисту доносилъ, что Степанъ Голищевъ и Алексѣй Головнинъ были имъ увѣщеваемы и при увѣщаніи дали обѣщаніе оставить свои заблужденія и исполнять все, что Святою церковію опредѣлено, въ чемъ и взята съ нихъ подписка, послѣ чего отпущены они въ ихъ домы.

III.

Въ царствованіе Императора Павла I духоборцы, какъ видно изъ архивныхъ (1800 и 1801 годовъ) дѣлъ о нихъ Харьковской Духовной Консисторіи и Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, были въ значительномъ числѣ—около 200 человѣкъ того и другаго пола--сосланы частію въ Екатеринбургъ, частію въ Динаминдскую крѣпость на работы изъ разныхъ мѣстъ Слободско-Украинской губерніи--изъ города Славянска, изъ селеній: Салтоваго-Терноваго, Петровскаго, Охочаго, Верхнихъ Берекъ, Большихъ Проходовъ.

Императоръ Павелъ I, въ началѣ своего царствованія снисходительный къ духоборцамъ, потомъ, когда по донесеніямъ губернаторовъ, стало открываться, что духоборцы гласно проповѣдуютъ, что власти въ государствѣ не нужны, отяготилъ на нихъ свою карающую руку. Такъ, въ Ново-Россійской губерніи въ 1799 г. духоборцы, въ числѣ 31, за таковую проповѣдь, какъ возмутители общественнаго порядка сосланы въ Екатеринбургъ навѣчно для разработки рудниковъ, на самыя тяжкія работы, „дабы, какъ сказано въ Высочайшемъ Указѣ (авг. 12 дня, 1799 г.), сіи духоборцы, отвергающіе Вышнюю власть на землѣ, предѣломъ Божіимъ поставленную, возчуствовали чрезъ сіе, какъ слѣдуетъ, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленныя на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ же подобнымъ на страхъ и наказаніе“. Вскорѣ чрезъ всѣ правленія, суды и расправы было объявлено, что подобная участь ожидаетъ всѣхъ, которые будутъ изобличены въ духоборческой ереси. (У Новицкаго, стр. 53). Въ томъ же 1799 году бы-

ли сосланы и Слободско-Украинскіе духоборцы, „какъ неповинующіеся преданіямъ греко-россійской церкви и самодержавной власти“—съ тою же, конечно, цѣлію, „дабы возчувствовали“, только не на вѣки вѣчные, какъ сейчасъ увидимъ, а—*дондеже возчувствуютъ.* И часть ихъ дѣйствительно не замедлила „возчувствовать“ и вскорѣ же была возвращена.

Отношеніемъ отъ 16 мая 1800 года Харьковскій губернаторъ Сабуровъ проосвященнаго Христофора увѣдомлялъ, что изъ числа отправленныхъ изъ Слободско-Украинской губерніи въ Динаминдскую крѣпость духоборцевъ, бывшіе Харьковскаго уѣзда селъ Большихъ Проходовъ и Терновой жители—Федоръ Кусковъ, Миронъ Позняковъ и женщины (перечислются—10 душъ), отставъ отъ своего заблужденія, обратились на путь истинный и вслѣдствіе того по всеподданнѣйшему о семъ Государю Императору донесенію и по воспослѣдовавшему на оное всемилостивѣйшему Его Величества повелѣнію отпущены на прежнее жилище,—и просилъ подтвердить означенныхъ селеній священникамъ, чтобы они имѣли за сими обратившимися наблюденіе. Затѣмъ, отношеніемъ отъ 19 мая того же года то же самое сообщалъ о другихъ 5 (Иванъ Кусковъ, Василій Гончаровъ, Степанъ Пещцевъ, Авдотья Рѣпина, Василиса Голышева), и отношеніемъ отъ 20 іюня еще о 13, бывшихъ жителяхъ тѣхъ же селъ Большихъ Проходовъ и Терновой. Такимъ образомъ, всего возвращенныхъ въ это время изъ Динаминдской крѣпости было—мужескаго и женскаго пола 30 человѣкъ, не считая дѣтей.

Устрояя требуемый за ними надзоръ, преосвященный указомъ повелѣлъ: 1) подтвердить священникамъ на бумагѣ строжайше, чтобы они за прописанными лицами имѣли неослабное и осторожное наблюденіе, всѣ ли они ходить будутъ въ церковь, полагать на себѣ крестное знаменіе, и *съ какимъ восторгомъ молиться въ оной?* Будутъ ли приступать къ исповѣди и святымъ тайнамъ, съ чистосердечнымъ ли и усерднымъ къ Богу моленіемъ, или только съ однимъ наружнымъ видомъ? Почему ихъ въ исповѣдныхъ росписяхъ имянно показывать, кто былъ у исповѣди и Святаго причастія, или кто изъ нихъ не былъ и зачѣмъ, опасаясь за ложную отмѣтку строжайшаго по законамъ сужденія. 2) Священникамъ обходиться съ ними ласково, учтиво, имѣть разговоры касательно вѣры и церковныхъ преданій

крайне осторожные, отнюдь не доводить себя до неосновательныхъ преній или раздоровъ, быть имъ всегда въ приличной священнической одеждѣ и трезвости, отправляя священнослуженіе чинно, *съ восторгомъ и умиленіемъ сердца*, подавать примѣръ къ любви Бога, почтенію угодниковъ Его Святыхъ и повиновенію Высочайшей власти, яко сего и долгъ пастырскій требуетъ. 3) Если въ которомъ изъ тѣхъ обратившихся хотя малѣйше ими священниками примѣченъ будетъ развратъ духоборческой секты или подобной ей, о таковыхъ, по достовѣрномъ однакоже секретномъ развѣданіи, обстоятельно рапортовать благочинному, а ему чрезъ нарочнаго въ Консисторію.

По силѣ сего указа, священники означенныхъ селъ дали въ Консисторіи подписку, что „будутъ всегда въ приличной одеждѣ и трезвости, отправлять священное служеніе чинно, подавать примѣръ къ любви Бога, почтенію угодниковъ Его и повиновенію Высочайшей власти, за обратившимися изъ духоборства имѣть неослабное и осторожное наблюденіе, разговоры имѣть касательно вѣры и церковныхъ преданій крайне осторожные; ежели обратившіеся не будутъ ходить въ церковь и крестнаго знаменія на себѣ полагать, куда слѣдуетъ—доносить, также—кто былъ у исповѣди и причастія и кто не былъ и почему, въ исповѣдныхъ росписяхъ имянно показывать“, словомъ—обязались исполнять все, что значится въ епископскомъ указѣ, за исключеніемъ только обязанности самимъ совершать богослуженіе съ восторгомъ и умиленіемъ сердца, а также и за новообратившимися осторожно присматривать, съ какимъ восторгомъ молятся они въ церкви,—о чемъ въ подпискѣ почему-то умолчано.

Другая, болѣе значительная часть духоборцевъ, сосланныхъ въ царствованіе Императора Павла I, была возвращена уже при Александрѣ I—Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 17 марта 1801 года,—возвращена не вслѣдствіе „возчувствованія“ ими тяжести карающей десницы, о чемъ не было ни донесеній, ни справокъ, а единственно благодаря духу терпимости и человѣколюбія, отличавшему новаго Государя. Этихъ возвращенныхъ было: изъ Екатеринбурга—въ село Береки—19 человѣкъ; изъ Динаминдской крѣпости—въ село Салтово Терново 65, въ Большіе Проходы—43, въ Верхніе Береки 22, въ Охочее—9, въ городъ Славянскъ 5, въ Петровское 3. Въ

числѣ возвращенныхъ значится еще и харьковскій мѣщанинъ Базилевскій.

Во исполненіе означеннаго Высочайшаго повелѣнія, коимъ повелѣвалось возвращаемыхъ духоборцевъ водворить на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства, а также и другаго, послѣдовавшаго за тѣмъ, Высочайшаго же повелѣнія отъ 9 апрѣля 1801 года, объявленнаго губернатору Зильбергарнишу въ предписаніи генералъ-прокурора Беклешова, въ коемъ (повелѣніи) сказано, „чтобы вмѣсто строгости, съ каковою предъ симъ съ уклоняющимися отъ правовѣрія и святою церковію утвержденныхъ правилъ поступаемо было, и которая не къ исправленію, а къ единому ожесточенію ихъ служить можетъ, отнынѣ впредь не дѣлать имъ ни малѣйшаго притѣсненія, но предоставлялось бы духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, нарушителей же спокойствія отсылать къ сужденію куда слѣдуетъ“, — губернаторъ далъ земскимъ исправникамъ предписаніе, „чтобы возвращаемые по Высочайшему повелѣнію на мѣсто прежняго ихъ жительства духоборцы, какъ не имѣющіе уже тамъ своихъ домовъ (при ссылкѣ дома и все имущество ихъ были распроданы) были до времени водворены въ домахъ тамошнихъ жителей съ предписаніемъ тамошнимъ волостнымъ головамъ давать имъ всякое возможное пособіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ—чтобы какъ они исправники, такъ и волостные головы секретнымъ образомъ наблюдали надъ ихъ поступками, дабы подъ видомъ богослуженія не дѣлали они сборищъ и не разсѣевали заблужденій своихъ между жителями, а также изъ числа ихъ никто бы не избирался ни въ головы, ни въ другіе какіе либо сельскіе начальники“. Предписаніе губернатора—во второй по крайней мѣрѣ части (относительно надзора за поведеніемъ духоборцевъ), какъ видно, исполнялось мѣстными властями сельскими и земскою полиціею со всею ревностію.

1801 года іюля 14 дня села Салтоваго Терноваго атаманъ и жители обратились къ губернатору съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія: „Духоборцы, однодворцы Салтоваго Терноваго мужескаго пола 46 и женскаго 26, возвратясь изъ Динаминдской крѣпости въ прежнія жилища, за неимѣніемъ у нихъ домовъ, кои съ ихъ имуществомъ во время препровожденія ихъ въ ту крѣпость съ публичнаго торгу по повелѣнію

начальства распроданы и вырученныя деньги имъ отданы, будучи поставлены у тамошнихъ однодворцевъ въ домахъ на квартирахъ, отъ своего заблужденія нимало не унимаются, какъ-то: непочитаютъ св. иконъ, отметаются крестнаго на лицѣ своемъ знамени, въ воскресенье и ни въ какіе праздничные дни въ церковь Божію не ходятъ, но собираются къ своимъ единомышленникамъ какъ днемъ, такъ и въ ночное время, къ приведенію простолюдиновъ къ своей ереси производятъ поученіе, произносятъ хулы на св. иконы и Церковь Божію, не хранятъ постовъ и, живучи въ домахъ вмѣстѣ съ правовѣрными, дѣтей ихъ малолѣтнихъ нарочито оскорамливаютъ и всячески стараются къ своей ереси привлекать другихъ, и разсѣеваемыми своими поученіями и наставленіями уже и привлекли вновь въ свою ересь однодворца Данилу Власова, Григорія Голищева съ сыномъ Семеномъ и раскаявшагося прежде отъ той ереси Наума Маркова съ его семействомъ. И когда отъ Липецкаго волостнаго головы, отъ меня, жителей и священника предлагаемо было, чтобы они своихъ сборищъ не имѣли, то они въ отвѣтъ объявили, что когда де вы будете за нами наблюдать, то мы и жить съ вами и водворяться не намѣрены. Преподаваемыхъ отъ духовенства увѣщаній не только не слушаютъ, но вовсе ихъ презираютъ, какъ то: сего іюля 16 числа, когда священникъ по христіанскому обряду съ крестами несъ погребать мертвое тѣло, то изъ нихъ два— Петръ Кузнецовъ и Трофимъ Голищевъ—шли близъ креста и священника въ шапкахъ, понуривъ голову. О заведеніи себя экономіею совсѣмъ не имѣютъ рачительности, презираютъ истинныхъ христіанъ, наносятъ имъ разныя досады и оскорбленія, какъ-то: безпрестанно на здѣшнихъ жителей похваляются, что де теперь вамъ идти изъ селенія, а не намъ, и миролюбному житію съ здѣшними жителями отъ нихъ никакой надежды не предвидится. Наконецъ, къ единому презрѣнію церкви, одинъ изъ нихъ Ѳедоръ Гришчинъ самоуправно выстроилъ близь самой церкви вѣтряную мельницу, хотя ему отведено было для оной постройки пристойное мѣсто. Почему въ разсужденіи таковыхъ происходящихъ отъ нихъ духоборцевъ между народомъ развращеній и прельщенія здѣшнихъ жителей не желаютъ ихъ къ себѣ принять. Того ради ваше превосходительство просимъ, кому надлежитъ, предписать о

удержаніи оныхъ духоборцевъ отъ разсѣеванія ихъ ереси и о наставленіи на новую стезю установленныхъ Святою Церковію правилъ. Буде же оные не обратятся, то объ удаленіи ихъ изъ села Салтоваго Терноваго, яко они и сами къ водворенію здѣсь не великую ревность имѣютъ и въ подушномъ окладѣ еще не состоятъ". Подписались: атаманъ, 87 сельскихъ жителей и священникъ.

Этого переселенія духоборцевъ, о которомъ такъ усердно просили жители села Терноваго, желали не менѣе того и сами духоборцы, какъ это видно изъ прошенія, поданнаго по довѣренности однимъ изъ нихъ (Василіемъ Власьевымъ) къ вице-губернатору (за отсутствіемъ губернатора) отъ 15 іюля того же года, въ которомъ онъ изъяснивъ, что жители Терноваго, по оговору которыхъ духоборцы были уже сосланы въ Динаминдскую крѣпость, подаютъ и теперь на нихъ, духоборцевъ, напрасную жалобу единственно для того, чтобы выжить ихъ изъ села,—просилъ объ отчисленіи всѣхъ села Терноваго духоборцевъ, стоящихъ по квартирамъ у однодворцевъ, куда-либо въ другое мѣсто. Но вице-губернаторъ въ этой просьбѣ Власову рѣшительно отказалъ, предписавъ земскому суду „объявить просителю, что, за силою Высочайшаго повелѣнія о водвореніи всѣхъ духоборцевъ въ ихъ прежнихъ жительствахъ, просьбы его удовлетворить невозможно, и при семъ подтвердить наистрожайше, чтобы впредь съ таковыми не дѣльными прошеніями къ начальству не входилъ подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгаго по законамъ наказанія".—А по жалобѣ атамана и жителей села Терноваго на духоборцевъ отправленъ былъ для разъясненія и изслѣдованія дѣла земскій исправникъ, который нашелъ и донесъ по начальству, что постовъ духоборцы дѣйствительно не держатъ, какъ и сами въ томъ сознались, употребляя въ пищу все, что случится, но не подтвердилось, чтобы они дѣтей православныхъ кормили скоромнымъ въ постные дни; не открылось и того, чтобы они кого-либо изъ жителей Терноваго въ свою ересь привлекли. Предъ крестомъ дѣйствительно шапокъ не снимали, изъясняя, что шапокъ не снимали потому, что „въ шапкахъ никакой правды нѣтъ". На увѣщаніе его, исправника, ходить въ церковь Божію отвѣчали „блаженъ мужъ, иже не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ", и на всѣ другія увѣщанія отвѣт-

ствовали изъ псалтыря стихами. На основаніи такого донесенія исправника о поведеніи духоборцевъ и о томъ, что простое увѣщаніе земской полиціи вразумить ихъ не можетъ, вице-губернаторъ Картвелинъ отношеніемъ—отъ 25 іюня 1801 года—къ епископу Харьковскому Христофору просилъ его преосвященство употребить пастырское попеченіе объ обращеніи ихъ на путь истинный, прежде нежели прибѣгнуть къ послѣднему средству преданіемъ суду, и о послѣдующемъ увѣдомить. Въ отвѣтномъ отношеніи преосвященнаго губернатору—отъ 30 сентября 1801 года—значится что для увѣщанія означенныхъ духоборцевъ назначены и отправлены были два протоіерея—Іоаннъ Карасовскій и Іоаннъ Вересовичъ; но духоборцы, за исключеніемъ одного, имѣвшаго отца и мать православныхъ и согласившагося, по убѣдительной просьбѣ ихъ, оставить ересь,—остались въ своемъ заблужденіи непреклонными, причемъ ими протоіереями найдено, что они духоборцы обряды церковные всѣ отвергаютъ и ничего видимаго и рукотворнаго не пріемлютъ, какъ-то—храма молитвеннаго гнушаются, а признаютъ церковь въ душахъ и ребрахъ своихъ, поклоненіе иконамъ и почтеніе креста отвергаютъ, священниковъ не признаютъ, исповѣди вовсе не пріемлютъ, почитая ее ненужною, а себя безгрѣшными. Посты отвергаютъ, пищу всякую поставляютъ во всякое время къ употребленію позволительной. Таинства крещеніе, мѵропомазаніе и елеосвященіе и бракъ вовсе отвергаютъ, живутъ съ женами по одному согласію, не смотря на то хотя бы между ними было какое близкое родство, причащеніе за тайну не почитаютъ, пятую заповѣдь относятъ къ почтенію Бога подъ именемъ отца и матери, а родителей они признаютъ наравнѣ съ прочими людьми, называя ихъ просто старикомъ и старухою; законную власть признаютъ всѣ, но между собою никого старшаго не имѣютъ, объявляя, что они всѣ равны. А на внушеніе протоіерея, что они по Высочашему Его Императорскаго Величества повелѣнію возвращены на прежнія жилища, съ тѣмъ, чтобы, возчувствовавъ Высокомонаршую милость, оставили свою ересь и обратились въ православную вѣру, отвѣтствовали, что Государь возвратилъ ихъ на прежнее жилище усмотрѣвъ ихъ невинность и справедливость въ содержаніи ими ихъ вѣры. Сверхъ того почитаютъ за правило не объявлять имена тѣхъ,

кто ихъ научилъ тому заблужденію, и на вопросъ, кто ихъ научилъ сему, отвѣчаютъ: „Богъ“.

10 августа 1801 г. Изюмскій земскій исправникъ доносилъ вице-губернатору Картвелину, что и въ селѣ Петровскомъ возвращенные изъ Динамидской крѣпости Сергѣй Поповъ, Иванъ Сукрутовъ и Яковъ Перегутовъ съ домашними также открыли прежнюю свою секту, къ которой и другихъ привлекаютъ. По отношенію вице-губернатора преосвященному Христофору, отъ 29 августа того же 1801 года, преосвященнымъ назначены были и сюда два духовныхъ увѣщателя (благочинные—Вересовичъ и Приходьковъ); но на этотъ разъ преосвященный уже требовалъ, чтобы по содержанію присланнаго къ нему изъ Сѵнода отъ 22 марта 1800 г. секретнаго указа дана была и „пристойная команда“, которая бы находилась при томъ увѣщаніи для безопасности увѣщателей и къ соблюденію тишины и спокойствія. Въ отношеніи преосвященнаго губернатору (отъ 8 ноября 1801 г.) и донесеніи губернатору (отъ 7 ноября того же года) отъ Нижняго Земскаго Изюмскаго суда, (который по роду сдѣланныхъ духоборцами при ихъ увѣщаніи показаній счелъ нужнымъ вмѣшаться въ ихъ дѣло), значится, что когда увѣщатели прибыли къ мѣсту своего назначенія, сельскимъ атаманомъ было донесено, что, кромѣ помянутыхъ, изъ Динаминдской крѣпости возвращенныхъ духоборцевъ, вступили въ эту секту еще изъ православныхъ 15 человѣкъ обоего пола; изъ нихъ 9 раскаялись и обратились въ христіанское благочестіе, а остальные шесть, да возвращенные изъ крѣпости одинадцать человѣкъ, отъ той ереси отстать не пожелали и на вопросы увѣщателей объявили, что „вѣры они Божіей, у исповѣди и причастія Св. Тайнъ, въ церквахъ совершающихся, не бываютъ и за святость сего, съ познанія отъ себя, не признаютъ, потому что рожденіе сіе не отъ Божества творится въ церквахъ, но отъ рукъ человѣческихъ, какъ-то—хлѣбъ отъ пшеницы, а вино отъ винограда, а вѣрятъ одному Богу, который сотворилъ небо и землю и отъ котораго свѣтъ; преданія св. отецъ и угодниковъ Божіихъ отвергаютъ, однако почитаютъ ихъ за добрыхъ людей, которые также служили Богу; св. иконамъ, яко видимымъ и рукотворнымъ, не кланяются; Государя Императора Александра Павловича за помазанника Божія не признаютъ, по-

тому что одинъ только въ свѣтѣ былъ помазанникъ Божій— Царь Давидъ, а признаютъ Его Величество за добраго человѣка, власти и воли Его Величества не повинуются, да и повиноваться не хотятъ никому, кромѣ власти Бога, которому вѣрятъ; вѣрноподданными Его Величества быть не желалаютъ, а служить Богу единому будутъ; податей платить не желаютъ, да и отъ нападеній непріятельскихъ, ежели бы пришлось, защищать отечество не намѣрены, развѣ только— самихъ себя, вслучаѣ нападенія кого либо на ихъ домы". Изюмскій Нижній Земскій Судъ, донося губернатору о такихъ дерзновенныхъ рѣчахъ Петровскихъ духоборцевъ, представилъ еще ему, какъ доказательство крайняго нечестія ихъ, и копію съ духоборческаго напѣва, доставленную въ сей судъ Изюмскимъ засѣдателемъ, производившимъ допросъ въ селѣ Петровскомъ.—Вотъ этотъ напѣвъ: „Днесь благодать Духа святаго насъ собра. Речетъ Господь: ядый мою плоть и піяй мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ. Не отъ похоти плотскія ниже похоти мужескія, токмо отъ Бога родися. Слово плоть бысть вселися въ немъ. Не объ томъ бо вамъ явлю что о причащеніи вашемъ, что которое творится въ церквахъ вашихъ рукотворенныхъ. Хлѣбъ отъ пшеницы, а вино отъ винограда, а вы заключаете, яко пресвятая тайна, она всему міру явна... Есть время къ вѣчному спасенію, совоплощеніе Господа нашего Іисуса Христа. Глаголетъ Господь устами человѣческими. Мы слышимъ отъ Отца своего словеса Божіи, повѣрили Богу живу истинному. Образамъ ихъ не поклонилися, которые дѣло рукъ человѣческихъ, ни златому, ни серебрянному, ни полотняному, не литому и не писанному, потому что Господь запрещаетъ. Господь повелѣваетъ молиться, кланяться Отцу и Сыну и Святому Духу. Отъ скачекъ, отъ плясокъ, отъ бѣсовскихъ поплясушекъ отстали, за то насъ міръ возненавидѣлъ, посадилъ насъ въ темныя темницы и далъ насъ въ адовы узы".

Дѣло принимало для духоборцевъ крайне неблагопріятный оборотъ: они взяты подъ арестъ, увѣщаніе переходило въ слѣдствіе, розыскъ. Но тутъ неожиданнымъ спасителемъ ихъ явились сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій, (главнымъ образомъ—первый), по Высочайшему повелѣнію обозрѣвавшіе въ это время Слободско-Украинскую губернію. Они

настояли предъ губернаторомъ о немедленномъ освобожденіи арестованныхъ, изъяснивъ, ему что все дѣло увѣщанія ведено было совершенно неправильно, что „въ Высочайшемъ повелѣніи--предоставлять духовнымъ особамъ вразумлять и наставлять духоборцевъ на путь истины безъ всякаго принужденія— не должно разумѣть безвременныхъ, нарядныхъ, въ видѣ суда, смущать и устрашать могущихъ увѣщаній, но дѣлать то кстати, наблюдая расположеніе, стараясь въ самыхъ мѣстахъ ихъ жилищъ имѣть при церквахъ священниковъ, не столько отличающихся блескомъ школьнаго ученія и искусствомъ въ словопреніи, сколько истиннымъ благочестіемъ и усердною любовію къ Закону Божію и ученію евангельскому, жизнію своею свидѣтельствующихъ чувствованія свои и правила!!“. О таковомъ распоряженіи своемъ сенаторы немедленно же сообщили Государю всеподданнѣйшимъ донесеніемъ отъ 12 ноября 1801 г. Въ тоже самое время и губернаторъ, видимо подъ вліяніемъ сенаторскихъ внушеній измѣнившій свои отношенія къ духоборцамъ и взглянувшій на нихъ уже совсѣмъ другими глазами, во всеподданнѣйшемъ донесеніи Государю отъ того же 12 ноября изъяснялъ, что, получивъ изъ донесенія Изюмскаго Нижняго Земскаго Суда отъ 7 ноября и отношенія преосвященнаго Христофора отъ 9 ноября свѣдѣнія о томъ, что увѣщеваемые духоборцы, за исключеніемъ девяти раскаявшихся, не внимая доказательствамъ, при грубыхъ и ругательныхъ на святыя иконы отзывахъ, отвергали всѣ церковныя постановленія и дерзая не признавать въ священной особѣ Императорскаго Величества Помазанника Божія не терпятъ, чтобы кто нибудь называлъ ихъ вѣрноподданными, онъ, губернаторъ, относя сіе болѣе къ тому, что въ порученномъ дѣлѣ отряженными не употреблено было всего должнаго искусства и что слова, простолюдинами высказанныя, приняты, можетъ быть, въ другомъ видѣ и уважены гораздо болѣе, нежели имѣли они въ себѣ значенія, предписалъ Изюмскому Нижнему Земскому Суду, не употребляя ни малѣйшей строгости и ничѣмъ не стѣсняя ихъ свободы, *продолжать* (?) обходиться съ ними съ кротостію и терпѣніемъ; при семъ добавлялось, что пополученіи отъ духовныхъ увѣщателей и бывшаго при нихъ засѣдателя личныхъ объясненій, для которыхъ они въ Харьковъ вызываются, и по открытіи всѣхъ обстоятельствъ въ точномъ ихъ

видѣ, онъ, губернаторъ, долгъ будетъ имѣть донести о томъ Его Императорскому Величеству особо, поставляя себѣ однакоже въ обязанность не приступать ни къ какимъ рѣшительнымъ средствамъ безъ особаго Высочайшаго повелѣнія.—А во всеподданнѣймъ донесеніи губернатора отъ 3 декабря того же 1801 года эти, привлеченные было къ отвѣтственности, духоборцы и совсѣмъ уже объявлялись невинными: „послѣ всеподданнѣйшаго моего Вашему Императорскому Величеству отъ 12 ноября донесенія относительно духоборцевъ, водворенныхъ на прежнемъ жительствѣ Изюмскаго уѣзда въ слободѣ Петровской, призванные для личнаго объясненія въ г. Харьковъ священники и земскаго суда засѣдатель хотя и подтвердили, что дѣйствительно произносимы были ими духоборцами тѣ дерзкія слова, кои объяснены въ томъ моемъ всеподданѣйшемъ Вашему Императорскому Величеству донесеніи, но какъ разговаривая самъ съ ними неоднократно, не примѣтилъ въ нихъ ничего такого, что бы означало каковую либо съ ихъ стороны наклонность къ неповиновенію начальству и неисполненію государственныхъ повинностей, а видна только одна непоколебимая ихъ привязанность къ правиламъ своей ереси, непослушанія же къ начальству и неисполненія требуемыхъ отъ нихъ по званію ихъ повинностей, по удостовѣренію засѣдателя, также и по репортамъ Нижняго Земскаго Суда, они понынѣ не оказываютъ, почему и оставлены они по предписанію моему въ свободѣ, при наблюденіи только со стороны Нижняго Земскаго Суда, дабы они къ ереси своей никого отъ жителей не привлекали и сохранялись бы общее спокойствіе и тишина“.

На донесеніе сенаторовъ Государю Императору по дѣлу о духоборцахъ послѣдовалъ (отъ 27 ноября 1801 года) Высочайшій рескриптъ, полученный ими 7 декабря, въ которомъ выражена была имъ за „поступокъ ихъ въ дѣлѣ духоборцевъ“ Высочайшая благодарность, при чемъ поручалось имъ наблюсти, „чтобы въ продолженіи пребыванія ихъ въ Слободско-Украинской губерніи распоряженіе, сдѣланное ими, воспріяло точное дѣйствіе и послужило мѣстному начальству на будущее время образцомъ поведенія его съ симъ родомъ людей“. Одновременно съ этимъ и губернаторомъ полученъ былъ (отъ того же 7 декабря) Высочайшій указъ, въ которомъ было

изображено: „Вмѣстѣ съ рапортомъ вашимъ о духоборцахъ получивъ обстоятельное по сему же предмету донесеніе отъ пребывающихъ въ Харьковѣ сенаторовъ, всѣ сдѣланныя ими въ семъ случаѣ распоряженія, яко на благоразуміи и истинномъ понятіи дѣла основанныя, утверждаю во всей силѣ ихъ и пространствѣ, и поручаю вамъ не только въ настоящее время, но и на будущее принять ихъ правиломъ и руководствомъ съ сими людьми, возлагая на собственный вашъ отчетъ какъ спокойство ихъ, такъ и защиту ихъ отъ всѣхъ притязаній къ нимъ невѣжества и ложной ревности къ просвѣщенію. И разумомъ и опытами давно уже дознано, что умственныя заблужденія простого народа, преніями и нарядными увѣщаніями въ мысляхъ его углубляясь, единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостію мало по малу изглаждаются и исчезаютъ. Вотъ правило, коего мѣстному начальству должно съ ними держаться и на немъ-то основано было и повелѣніе, данное о увѣщаніи сихъ духоборцевъ при возвращеніи ихъ восвояси. Сіи увѣщанія никакъ не должны имѣть вида допросовъ, состязаній и открытаго образу ихъ мыслей насилія; но должны сами собою и непримѣтно изливаться къ нимъ изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и наконецъ изъ непринужденныхъ, къ случаю и съ видомъ ненамѣренности направленныхъ на ихъ положенія разговоровъ, а чтобъ все сіе имѣло болѣе дѣйствія и чтобъ они лучше почувствовали обязанности ихъ къ правительству, прежде всего нужно бы было дать имъ самимъ примѣтить, что оно объ нихъ печется и послѣ претерпѣннаго ими раззоренія войти въ ихъ состояніе, что и поручаю вамъ немедленно исполнить, представивъ Мнѣ о дѣйствительномъ положеніи ихъ хозяйства, о нуждахъ ихъ, обстроились-ли они, имѣютъ-ли домы, вступили-ли въ хлѣбопашество, имѣютъ-ли чѣмъ платить повинности? Все сіе, скромностію и благоразуміемъ развѣдавъ, подробно Мнѣ донесите, означивъ именно, сколько на построеніе домовъ ихъ, по количеству ихъ и по мѣстныхъ цѣнамъ, будетъ денегъ потребно, дабы получивъ свѣдѣніе сіе могъ Я дать о надлежащемъ имъ пособіи повелѣніе“.

Этотъ Высочайшій указъ, само собою понятно, уже окончательно обезпечивалъ духоборцамъ ихъ спокойствіе и безопасность. Въ отвѣтномъ всеподданнѣйшемъ донесеніи (отъ 10

декабря) губернаторъ изъяснялъ: „Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ отъ 27 ноября я имѣлъ счастіе получить декабря 7 дня. Августѣйшая воля Ваша, въ ономъ изображенная, относительно духоборцевъ исполняема будетъ мною во всей ея силѣ и точности при руководствѣ и замѣчаніями господъ сенаторовъ, сообщенными мнѣ отъ нихъ письменно и на словахъ, причемъ поставляю долгомъ всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что при водвореніи ихъ сдѣлано было имъ все нужное вспомоществованіе и просьбы ихъ были мною въ возможной мѣрѣ удовлетворяемы. При всякомъ же случаѣ, когда они являются ко мнѣ лично, оказывается имъ вся готовность и вниманіе на ихъ нужды со внушеніемъ имъ безмѣрнаго милосердія Вашего Императорскаго Величества во всемилостивѣйшемъ ихъ возвращеніи и попеченіи о безнуждномъ ихъ водвореніи, при каковыхъ случаяхъ примѣчено мною, что они сію Высокомонаршую милость пріемлютъ съ чувствомъ признательности. О состояніи же настоящаго ихъ положенія и сколько на обзаведеніе ихъ по количеству и по мѣстнымъ цѣнамъ потребно будетъ денегъ, развѣдавъ подробно, не замедлю донести“.

Любопытны, въ дополненіе и поясненіе къ этимъ, извлеченнымъ изъ архивныхъ документовъ, свѣдѣніямъ по дѣлу Петровскихъ духоборцевъ, свѣдѣнія по тому же дѣлу—въ запискахъ сенатора Лопухина (напечат. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1860 г. кн. III, іюль—сентябрь). Дѣло, по запискамъ, происходило такъ. Для увѣщанія отправлены были два священника и земскаго суда засѣдатель съ командою. Первый вопросъ духоборцамъ былъ о коронаціи. Духоборцы, неимѣющіе къ обрядамъ уваженія, не могли имъ дать отвѣта удовлетворительнаго, и сказали, что они всякаго царя почитаютъ отъ Бога поставленнымъ, добраго—даромъ Божіемъ, а злаго—бичемъ за грѣхи. Поставили предъ ними образъ Спасителя и спрашивали: вѣруютъ ли они въ предстоящаго предъ ними Спасителя? Духоборцы отвѣчали: „это не Спаситель, а доска росписанная“. Наконецъ, ихъ спрашивали: „будутъ ли они платить подать и рекрутъ ставить? Они съ досадою говорили „мы нищіе: чѣмъ намъ подать платить! Какіе отъ насъ рекруты! Остался старый да малый, да изувѣченный. Мы прежде служили Государю, какъ и другіе, а теперь, власть его,

мы не можемъ". Такіе отвѣты духоборцевъ были признаны за бунтъ, и Изюмскій Нижній Земскій Судъ, по донесенію ему объ этомъ, движимый необдуманною ревностью, поспѣшилъ отправиться на мѣсто для розысковъ и производства изъ того криминальнаго дѣла, и о такомъ опредѣленіи своемъ донесъ губернатору съ нарочнымъ. Но когда губернаторъ увѣдомилъ о томъ сенаторовъ Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго, то они, сообразно съ духомъ царствующаго Государя, настояли, чтобы весь этотъ мнимый бунтъ приписанъ былъ недоумѣнію и неискусству увѣщателей, чтобы всякое слѣдствіе и розыскъ были тотчасъ пресѣчены, чтобъ по этому дѣлу никому не было чинено стѣсненія, и если кто взятъ подъ стражу, то немедленно былъ бы освобожденъ; и вслѣдъ за тѣмъ отъ 12 ноября 1801 года изъ Харькова же о всемъ случившемся донесли Государю въ духѣ терпимости и истинно христіанской любви. Скоро собралось у гг. сенаторовъ много духоборцевъ. Нѣсколько ихъ пришло и изъ Екатеринославской губерніи. Съ ними преимущественно бесѣдовалъ Лопухинъ, не какъ суровый судья, а какъ снисходительный и кроткій отецъ, и они, очень его полюбили и говорили съ нимъ откровенно. Кончилось тѣмъ, что духоборцы подали прошеніе, въ которомъ изъявляли свою вѣрность и усердіе къ Государю, просили исходатайствовать имъ дозволеніе отдѣлиться въ особое поселеніе. Тогда же, изъ Харькова, отъ 3 декабря, Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій послали къ Государю второе о духоборцахъ всеподданнѣйшее донесеніе, въ которомъ, между прочимъ, писали: „изъ всѣхъ селеній здѣшнихъ духоборцы, гдѣ они есть, и нѣкоторые изъ Новороссійской губерніи были у насъ, Всемилостивѣйшій Государь, и всѣ изъявили желаніе отдѣлиться въ особое поселеніе, не назначая никакихъ себѣ къ тому мѣстъ, и въ оныхъ, какъ и въ нужномъ имъ для того вспоможеніи, совершенно предаваясь всемилостивѣйшей волѣ Вашей. Бѣдное состояніе оныхъ людей, коихъ и число здѣсь не велико, столь жалостно, что по истинѣ достойно обратить на себя воззрѣніе великой щедроты Вашего Императорскаго Величества, дающаго примѣръ земнымъ владыкамъ священнаго уваженія къ человѣчеству". – Согласно этому докладу, совершенно отвѣчавшему намѣреніямъ самаго Государя, Высочайшимъ указомъ

отъ 25 января 1802 г. повелѣно: духоборцевъ Слободо-Украинской и Екатеринославской губерній переселить въ Новороссійскую губернію на обильныя поля, лежащія по теченію рѣки Молочной, съ назначеніемъ на каждую переселившую душу по 15 десятинъ земли, съ освобожденіемъ отъ всѣхъ государственныхъ повинностей на пять лѣтъ и съ выдачею изъ казны при самомъ переселеніи на подъемъ по сту рублей на каждое семейство заимообразно, съ уплатой сихъ денегъ въ теченіе десяти лѣтъ, считая со времени водворенія. (*Новицкій*, стр. 58—63).

Этихъ на первый разъ переселившихся на „Молочныя воды" духоборцевъ—Слободо-Украинской и Екатеринославской губерній—было 30 семействъ, въ количествѣ 296 душъ. Они основали здѣсь слободу „Богдановку".

IV.

Духоборцы, переселившіеся на „Молочныя воды", сносились, какъ видно изъ дѣлъ Харьковской Духовной Консисторіи, съ жителеми разныхъ мѣстъ Харьковской губерніи и старались завлекать ихъ въ свою секту, обольщая выгодами своего на „Молочныхъ водахъ" положенія. Многіе изъ православныхъ дѣйствительно заявляли гражданскому начальству о своей принадлежности къ духоборству, прося по этому случаю о переселеніи ихъ въ мѣста злачныя, при чемъ однако же нѣкоторые изъ нихъ, будучи подвергнуты обычному въ такихъ случаяхъ увѣщанію—при строжайшемъ предписаніи увѣщателямъ не дѣлать никакихъ угрозъ и принужденій увѣщеваемымъ, тогда же раскаявались, а другіе оставались непреклонными и безпрепятственно переселялись, куда манила ихъ житейская выгода. Такъ, въ 1805 году жители слободы Торской, Купянскаго уѣзда, однодворцы: Игнатъ и Василій Ефремовы, Ѳеодосья Хохлина, Тихонъ Суковкинъ и Яковъ Ефимовъ просили губернатора Бахтина о дозволеніи имъ переселиться Мелитопольскаго уѣзда въ слободу Богдановку. Отправленный для увѣщанія ихъ священникъ Черняковъ преосвященному Христофору доносилъ (отъ 26 мая 1806 года), что увѣщеваемые, „опознавъ свое заблужденіе, презрѣли вовсе духоборческую ересь и положили твердое намѣреніе впредь быть на-

всегда въ греко-россійскомъ исповѣданіи"; при семъ добавлялъ, что, „по розысканіи причинъ, по коимъ люди сіи впадаютъ въ духоборческую ересь, открылось, что духоборцы, переселившіеся въ слободу Богдановку, пріѣзжая въ деревню Торскую подъ видомъ покупки хлѣба, проживаютъ въ оной по полугоду и болѣе и обращаясь съ тамошними жителями имѣютъ случай обольщать ихъ несправедливыми выгодами своей ереси; а если бы переселеннымъ духоборцамъ запрещено было выѣзжать и проживать такое долгое время въ деревнѣ Торской, то безъ сомнѣнія надѣяться можно, что никто бы изъ тамошнихъ жителей духоборческою ересью зараженъ не былъ". На основаніи этого рапорта преосвященный просилъ губернатора „въ отвращеніе дѣлаемыхъ духоборцами, переселенными въ Мелитопольскій уѣздъ, развращеній и тѣмъ удаленія людей отъ правовѣрія въ свою ересь, употребить надлежащія мѣры". Губернаторъ отношеніемъ отъ 9 іюня 1806 г. увѣдомлялъ преосвященнаго, что онъ уже предписалъ Купянскому земскому исправнику, чтобы онъ, ежели впредь таковые духоборцы пріѣзжать будутъ, проживать имъ долгое время, а особливо безъ крайней нужды, не дозволялъ.

Въ 1804 году просились въ ту же Богдановку, указывая на свое духоборство, жители той же слободы Торской—Никита Степановъ съ семействомъ, Михаилъ Тарасіевъ съ семействомъ, Алексѣй Шиловъ съ семействомъ, Алексѣй Бирюковъ—одинъ (жена и дѣти не желали выселяться изъ своей слободы), и Изюмскаго уѣзда слободы Петровской однодворцы—Григорій Микулинъ и Лукьянъ Козоревъ. Эти, по увѣщаніи, остались непреклонными и переселились въ Богдановку. Бирюковъ перевелъ потомъ сюда (въ 1806 г.) и свое семейство, заявивъ въ поданномъ губернатору прошеніи, что оставшаяся въ слободѣ Торской жена его съ малолѣтними дѣтьми вступила въ духоборческую ересь.

Точно также безуспѣшно были увѣщеваемы въ томъ же 1804 году, просившіеся въ Богдановку же, при объявленіи ими себя въ духоборствѣ, жители Купянскаго уѣзда слободы Сухаревой Иванъ Рыбинъ и Димитрій Бондаревъ. За то въ 1814 году въ той же слободѣ Сухаревой, да еще въ слободѣ Кременной,—увѣщаніе жителей, въ числѣ 58 мужескаго и женскаго пола душъ, просившихся, по тому же поводу содержа-

нія ими духоборческой ереси, Мелитопольскаго уѣзда въ слободу Охремовку, имѣло блистательный успѣхъ. Священникъ преосвященному донесъ, что вслѣдствіе его увѣщанія оставили духоборческую ересь 33 души мужескаго пола и 12 женскаго, и преосвященный, „по справедливости относя такой успѣхъ въ семъ важномъ дѣлѣ къ отличнымъ трудамъ и усердію увѣщателя“, нашелъ нужнымъ наградить его похвальнымъ листомъ.

Но не для всѣхъ однакоже переселявшихся духоборцевъ „Молочныя воды“ оказывались землей обѣтованной. Нѣкоторымъ приходилось и жалѣть о переселеніи и покинутой ради него праотеческой вѣрѣ. Въ 1805 г. одинъ изъ этихъ переселенцевъ, Григорій Клюевъ, переселившійся въ Богдановку изъ слободы Петровской, въ прошеніи на имя преосвященнаго Христофора, изъяснялъ: „съ самаго малолѣтства я и все семейство мое содержали православное исповѣданіе греко-россійскаго исповѣданія, а въ 1803 году, по недоумѣнію моему, находившимися въ ономъ селѣ содержащими духоборческую ересь однодворцами обольщенъ и со всѣмъ моимъ семействомъ преклоненъ въ ихъ ересь. А потому съ ними въ томъ году, по имянному Высочайшему указу, согласно желанію моему, съ семействомъ моимъ состоящимъ изъ 14 душъ перешелъ Мелитопольскаго уѣзда въ слободу Богдановку. По прибытіи же туда *не нашедъ для себя никакой выгоды* и пришедъ въ раскаяніе оставили духоборческую ересь, яко душепагубную для насъ, и обратились паки къ исповѣданію православной вѣры. Почему и возвратились въ прошедшую осень на жительство въ слободу Петровскую, въ коей и нынѣ, кромѣ сына моего Матвѣя, жительствуемъ, а тотъ сынъ мой для присмотра дома и скота находится въ слободѣ Богдановкѣ, но онъ также желаетъ быть въ православной вѣрѣ. А посему прошу ваше преосвященство меня съ семействомъ въ число исповѣдающихъ православную вѣру повелѣть принять, и о водвореніи меня въ слободѣ Петровской, такъ какъ я тамъ имѣю домъ и изъ подушнаго оклада оной не исключенъ, куда слѣдуетъ отнестись“.—Губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о зачисленіи просителя въ слободѣ Петровской; а преосвященный предписалъ мѣстному священнику сдѣлать ему Клюеву съ семействомъ пастырское наставленіе и затѣмъ, по очищеніи

совѣсти падшихъ покаяніемъ, удостоить ихъ причастія св. таинъ, „поступая въ ласковомъ съ сими, равно какъ и съ прочими, обхожденіи и наставленіи въ вѣрѣ непремѣнно по сдѣланнымъ уже всѣмъ священно и церковно служителямъ наставленіямъ“.

V.

Гдѣ, когда и какъ началось духоборство? По этому вопросу мнѣнія изслѣдователей о духоборствѣ раздѣляются. Одни, какъ мы видѣли, считаютъ Слободскую Украйну, или вообще южную Россію родиной духоборства, гдѣ первыхъ проповѣдниковъ его видятъ въ упомянутыхъ нами какомъ-то неизвѣстномъ по имени прусскомъ унтеръ-офицерѣ (въ селѣ Охочемъ Харьк. губ.) и Силуанѣ Колесниковѣ (въ селѣ Никольскомъ Екатеринос. губ.)—въ половинѣ 18 вѣка, (главнымъ образомъ Новицкій). Другіе (Добротворскій, Ливановъ) приводятъ духоборство въ связь съ древнѣйшими ересями какъ мистическими, такъ и раціоналистическими, а отчасти даже съ проявленіями и политическаго вольномыслія, имѣвшими мѣсто въ Великой Россіи, откуда поэтому и производятъ духоборство.

Въ матеріалахъ, которыми мы пользуемся, есть данныя, относящіяся къ этому вопросу, которыя невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе. Это: 1) великорусскія фамиліи духоборцевъ. Болѣе двухъ сотъ лицъ значится въ разсмотрѣнныхъ нами документахъ о духоборцахъ и все это—лица съ чисто великорусскими фамиліями, каковы: Щекинъ, Зайцевъ, Посниковъ, Голышевъ, Власовъ, Позняковъ, Рѣпинъ, Лукьяновъ, Голубовъ, Лежибоковъ, Гончаровъ, Кусковъ, Микулинъ, Поповъ, Пономаревъ, Давыдовъ, Евсеевъ, Кузнецовъ, Сидоровъ, Криворуковъ, Трубецкой, Баевъ, Перегудовъ, Блудовъ и проч... Были ли селенія, къ которымъ принадлежали эти, носившіе великорусскія фамиліи духоборцы, населены одними великороссами, или населеніе въ нихъ было смѣшанное—изъ великороссовъ и малороссовъ, во всякомъ случаѣ отсутствіе малороссійскихъ фамилій въ размотрѣнныхъ нами документахъ о слободско-украинскихъ духоборцахъ невольно располагаетъ думать, что духоборство занесено сюда великороссами, а къ малороссамъ оно мало даже и прививалось. 2) На это великорусское происхожденіе его еще прямѣе указываютъ преданія,

сохранившіяся въ селѣ „Большіе Проходы“ у тамошнихъ жителей, о началѣ здѣсь духоборства. Вотъ эти любопытныя преданія—въ записи упомянутаго нами мѣстнаго священника о. Григорія Лобковскаго (приводимой нами съ нѣкоторыми сокращеніями):

„1611 на 1612 годъ великій своего времени герой—казацкій атаманъ Даніилъ Ильинскій, провѣдавъ вблизи большой дороги, или какъ называлось тогда—большихъ проходовъ, въ лѣсной пустынной тиши, достаточно устроенную и военнымъ порядкомъ укрѣпленную зимовку хищныхъ поляковъ, бросился съ свойственною казацкою отважностію съ 700 казаками на 9000 полчище враговъ и, при благопріятныхъ мѣстныхъ удобствахъ, удержалъ ихъ въ пятидневной мѣстной атакѣ, многихъ поразилъ, а остальныхъ, до 2000, плѣнилъ. Завладѣвъ такимъ образомъ разбойничьимъ польскимъ скитомъ, запасомъ и всѣмъ скарбомъ ихъ,—оставилъ на жительство въ томъ мѣстѣ своихъ сыновей—Ивана и Романа Ильинскихъ, давъ имъ въ охрану и жительство своихъ любимыхъ и вѣрныхъ казаковъ, и назвалъ это мѣсто, какъ и теперь называется наше селеніе—„Большіе Проходы“.—Къ этому времени послѣдовало 1612 года общее изгнаніе поляковъ изъ Россіи, и, отличные въ боевой рати, многіе мужи славы получили между разными похвальными наградами, по царской грамотѣ, въ даръ значительныя свободныя земли; въ числѣ награжденныхъ славный казакъ Данило Ильинскій 1613 года получилъ до 8 тысячъ земли незаселенной, той самой, гдѣ побилъ великое скопище поляковъ и поселилъ своихъ сыновей и 30 казаковъ. Новосельцы Большихъ Проходовъ болярскія дѣти Ильинскіе, въ виду частныхъ разбойническихъ набѣговъ, крупныхъ грабежей, и въ охрану собственнаго спокойствія, заботились увеличить число мирныхъ православныхъ жителей на своей землѣ; но населеніе, за боязнію уединенной жизни, развивалось очень медленно. Въ 1610 году православные малороссы, собравшіеся здѣсь, имѣя подъ рукой большіе лѣса, устроили первую деревянную православную церковь во имя Богоявленія Господня, и первый священникъ былъ въ ней болярскій сынъ Романъ Даніиловичъ Ильинскій, котораго родъ преемственно священствовалъ въ селѣ Б. Проходы 211 лѣтъ (1660—1871 г.). Между тѣмъ временемъ проѣзжіе торговцы и правительст-

венные стражники, видя въ маломъ поселкѣ—Б. Проходахъ обильныя для жизни удобства и узнавъ возможность селиться, объяснили объ этомъ въ отдаленныхъ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, и съ 1670 г. начали стекаться сюда на новоселье издалека: а) изъ Тамбовской губ. пришло 5 семействъ—родъ Кашкоровыхъ; б) Пензенской губ. родъ Пензовыхъ 4 семейства; в) Нижегородской губ. родъ Блудовыхъ 2, Щировыхъ 2 сем.; г) Саратовской губ. родъ Арѣховыхъ 2 сем.; д) Астраханской губ. родъ Сомовыхъ 3 сем., родъ Никулиныхъ 5 сем., Гончаровыхъ 2 сем., Шалимовыхъ 2 сем. и Андросовыхъ 2 сем.,—всего 29 сем., въ нихъ муж. п. 203 и жен. 240 д. Всѣ эти пришлые были уже омрачены духоборческою ересью, и очень вредно повліяли на православныхъ малороссовъ въ с. Б. Проходахъ, что выяснилось такъ: великосемейные и зажиточные русскіе духоборцы, при первой встрѣчѣ въ Б. Проходахъ съ православными малороссами, не могли сойтись ни по крови, ни по характеру, ни по обычаямъ, вообще ни по образу жизни, ни по вѣрѣ въ одно цѣлое единодушное общество, такъ что на первый взглядъ легко можно было полагать, что односельческая жизнь ихъ пойдетъ въ разрѣзъ, въ несогласіи и враждѣ. Но хитрые и скрытные духоборцы, въ охрану собственной жизни и спокойствія, и на умноженіе своихъ послѣдователей, не замедлили удачно разставить сѣти и ловить простодушныхъ своихъ односельцевъ малороссовъ; сѣти эти были: дѣятельная любовь къ бѣднымъ и страждущимъ людямъ, выражаемая благожеланіями, опытами услужливости и примѣрами благотворительности. А чтобы искуснѣе отводить глаза простаковъ, своихъ сожителей и сосѣднихъ селеній, и чтобы болѣе и вѣрнѣе заручиться вниманіемъ, расположеніемъ и довѣріемъ сосѣдей, ловкіе духоборцы собираемый съ полей своихъ хлѣбъ не продавали, а употребляли въ расходъ бѣднымъ не только своимъ односельцамъ, но и всѣмъ просящимъ: сюда приходили нищіе и странники, являлись больные и безпріютные, всѣ они пользовались здѣсь надлежащимъ вниманіемъ и усердіемъ, и почти всѣ эти приласканные, пригрѣтые и накормленные оставались непремѣнными жертвами хитрой ловушки, скораго и легкаго увлеченія въ пагубную духоборческую ересь. Такого свойства благотворительность подчиняла духоборцамъ не однихъ только притѣсненныхъ

житейскими обстоятельствами, нѣтъ, она бросалась въ глаза всякому благомыслящему, какъ дѣятельная святая любовь, какъ заповѣдь Христова о любви, которая не ищетъ своихъ, а жертвуетъ своимъ для другихъ; потому нерѣдко располагались къ духоборцамъ и ихъ ученію люди состоятельные и свѣдущіе въ законѣ Божіемъ и заповѣдяхъ Христовыхъ. Нерѣдко люди православные сближались съ духоборцами единственно во имя являемаго ими милосердія и братолюбія, неподозрѣвая его злонамѣренности. Тѣмъ болѣе христіане могли увлекаться въ злую ересь, что утонченная скрытность внушила ересіанамъ необходимость для вида исполнять наружные обряды и установленія греко-россійской церкви. А такъ какъ внутренно они ни мало ихъ не уважали и отвергали, то, чтобы публично не обнаружить образа своихъ мыслей, всякому обряду, всякой вещи, принадлежащей къ наружному богослуженію, давали они свои названія и истолкованія въ духовномъ смѣслѣ, на основаніи преданій, подкрѣпляя понятія и сужденія свои словами псалма Давидова: Отцы наши возвѣстили намъ (Псал. 43 ст. 1). Итакъ, пришлые духоборцы, обставивъ себя на первый разъ непроглядною скрытностью, лицемѣрнымъ благочестіемъ и злохудожнымъ вѣроученіемъ, за первые десять лѣтъ жизни своей въ Б. Проходахъ успѣли расположить къ себѣ, завлечь въ свою ересь, умножить своихъ послѣдователей, и духоборческая ересь быстро и широко развивалась въ Б. Проходахъ, а отсюда и въ другихъ селеніяхъ. Трудолюбивая и сдержанная жизнь нашихъ духоборцевъ, вниманіе ихъ къ нуждамъ другихъ, тонкая изворотливость въ выполненіи своего вѣроученія и успѣшное умноженіе своихъ послѣдователей—все это вмѣстѣ скоро ввело ихъ въ кругъ большого знакомства съ сосѣдними селянами, дало о нихъ извѣстность въ далекіе края русской земли—передовымъ вожакамъ ереси духоборческой, и указало имъ защитниковъ и покровителей въ лицѣ московскихъ духоборцевъ.... Ободряемые и подкрѣпляемые великороссійскими вольными вожаками своими, они начали уже болѣе смѣло и открыто привлекать въ свою ересь остальныхъ своихъ сожителей православныхъ малороссовъ—то угрозами, то—разными притѣсненіями и разореніями. Наконецъ, измыслили, для достиженія своей цѣли, послѣднюю ужасную мѣру: чтобы отнятъ у христіанъ единственное святѣйшее утѣшеніе,

сожгли православную церковь въ с. Б. Проходахъ 1705 года, думая, что такимъ образомъ оставленные въ скорби, тоскѣ и скукѣ малороссы, вѣроятно, прійдутъ на ихъ общее молитвословіе, познакомятся съ духоборческимъ моленіемъ и ученіемъ, а чрезъ это скорѣе присоединятся къ ихъ пагубной ереси.... Но со времени 1713—14 годовъ въ Большихъ Проходахъ православное населеніе дѣятельно хлопотало уже по устройству второй деревянной христіанской церкви и въ 1725 году она освящена опять во имя Богоявленія Господня... Духоборцы воодушевляемые вновь пришлыми изъ великороссіи и проживавшими среди нихъ, въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, бойкими начетчиками и ярыми вѣроучителями, и подкрѣпляемые сосѣдними единомышленниками, опять начали притѣснять, вредить и разорять православныхъ сожителей своихъ. Враждебныя взаимныя отношенія односельчанъ вызвали правительственныя мѣры и для вразумленія духоборцевъ присланъ былъ въ помощь священнику Андрею Ильинскому другой молодой болѣе ученый священникъ о. Іоаннъ Ковыльниковъ, который, въ качествѣ миссіонера, энергично взялся вразумлять духоборцевъ, объясняя имъ совершенство и святость христіанской вѣры и превосходство ея противъ ихъ злохудожнаго и пагубнаго вѣроученія; вѣщая имъ словеса истины день отъ дня, благовременно и безвременно, о. Ковыльниковъ, къ величайшему прискорбію своему, лично услышавъ полнѣйшій отказъ ересіанъ встрѣчаться и вести съ нимъ бесѣду о вѣрѣ, и не видя дотолѣ и потомъ никакого успѣха въ своемъ миссіонерскомъ дѣлѣ,—вынужденъ былъ просить содѣйствія гражданскихъ властей, и, по распоряженію оныхъ, употреблялись противъ духоборцевъ мѣры строгія: ихъ принуждали въ опредѣленное время собираться выслушивать ученіе Греко-россійской церкви и другія миссіонерскія внушенія благія, здѣсь же вызывали ихъ на объясненіе своего вѣроученія и, послѣ длинныхъ разумныхъ увѣщаній, непреклонныхъ духоборцевъ, отважныхъ и ярыхъ вожаковъ ихъ, сильно наказывали, привязанныхъ къ утвержденному среди села большому дубовому столбу, который болѣе 50 лѣтъ служилъ памятникомъ и угрозою противникамъ православной вѣры. И эти мѣры не вразумили духоборцевъ, а озлобили до того, что десятилѣтняя миссіонерская дѣятельность о. Ковыльникова получила исходъ

крайне злополучный: отецъ Ковыльниковъ убитъ на смерть ожесточенными духоборцами. Жаль, что о смерти о. Іоанна Ковыльникова въ церковномъ архивѣ Б. Проходовъ подробныхъ и никакихъ свѣдѣній, даже въ метрическихъ книгахъ, не оказалось; а народныя воспоминанія по убійству священника передаютъ дѣло такъ: между 1775 и 1795 г. въ поздній вечеръ былъ приглашенъ приходскій священникъ о. Ковыльниковъ къ горячечному мнимо больному, который, въ минуты исповѣди, бросился на своего духовника, сбилъ его съ ногъ и ударилъ приготовленнымъ топоромъ въ голову такъ сильно, что пораженный до утра скончался въ своемъ домѣ. По точному разслѣдованію оказалось, что убійца не былъ тѣломъ больной, а душевно омраченъ былъ духоборческой ересью,—онъ былъ отважный духоборецъ. Здѣсь узнаны прочіе злоумышленники, открыто все скопище духоборцевъ до 100 человѣкъ; изъ нихъ 20 человѣкъ отправлены въ тюремное заключеніе, иные тамъ померли; самый убійца и его соумышленники, наказанные, пошли въ ссылку; нѣкоторые духоборцы переселены на жительство въ Самарскую губернію и Таврическія мѣста“.....

Въ этихъ преданіяхъ, заимствованныхъ, по словамъ священника, „изъ разсказовъ старожиловъ и вообще народныхъ воспоминаній и толковъ“, конечно, по самому уже свойству источника, нельзя искать во всемъ полной фактической вѣрности, и нѣкоторыя подробности въ нихъ (напримѣръ—годъ прихода въ с. Б. Проходы воликороссовъ, число семействъ и даже душъ пришедшихъ, такъ точно и твердо въ отношеніи къ столь давнему времени поставленные) замѣтно носятъ на себѣ слѣды домысловъ; но въ общемъ преданія эти, какъ вообще народныя преданія, все-таки не могутъ быть лишены реальной основы, и указываемый въ нихъ фактъ, что духоборство занесено въ с. Б. Проходы выходцами изъ Великороссіи, едвали можетъ подлежатъ сомнѣнію въ особенности когда указаніе это такъ сходится съ указаніями и документальныхъ данныхъ.